

*Джошу и Джейкобу,
моим чудесным мальчикам,
и Рошель, и Эндрю Дейв
за все хорошее*

(пойдем сказал он ей
пойду недалеко ответила она
что есть недалеко сказал он
туда где ты ответила она)

— Э.Э. Каммингс

Пролог

Оуэн любил подтрунивать надо мной из-за того, что привычку терять всякие мелочи я возвела в разряд искусства. Я теряла все подряд — солнцезащитные очки, ключи, варежки, бейсболки, марки, фотоаппараты, мобильники, бутылки, авторучки, шнурки, носки, лампочки, формочки для льда. В какой-то степени он был прав: я частенько клала вещи не на место, отвлекалась и начисто про них забывала.

На нашем втором свидании я потеряла парковочный талон. На ужин мы приехали каждый на своей машине, о чем Оуэн не преминул пошутить — он подтрунивал над моей самостоятельностью даже в первую брачную ночь. А я шутила над тем, что он устроил мне настоящий допрос, задавая бесконечные вопросы о моем прошлом — о мужчинах, которые бросили меня, о мужчинах, которых бросила я. Оуэн окрестил их «несбывшимися мальчиками», поднял бокал и заметил, что благодарен им за то, что они мне не подошли, ведь теперь со мной в ресторане сидит именно он, а не кто иной.

— Ты меня едва знаешь, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Такое чувство, будто мы знакомы целую жизнь.

Отчасти он был прав. Просто уму непостижимо, насколько мы сблизились буквально с первых минут. Мне приятно думать, что я влюбилась без памяти и позабыла обо всем на свете. Разве тут до парковочных талонов!

Мы оставили свои машины на стоянке отеля «Ритц-Карлтон» в центре Сан-Франциско. Парковщик и слушать не захотел, что я провела в ресторане всего пару часов. За утерянный талон полагался штраф.

— Вы могли держать тут машину неделями, — заявил парковщик. — Почему мне знать, вдруг вы пытаетесь меня надуть? Сотня долларов плюс налог, и езжайте куда хотите. Читать умеете?

На табличке значилось: сто долларов плюс налог, и вы свободны.

— Ты уверена, что его нигде нет? — спросил Оуэн с улыбкой, словно это было самое лучшее, что ему удалось узнать обо мне за весь вечер.

Еще как уверена! Я обыскала каждый дюйм своего взятого напрокат «Вольво», потом шикарного спортивного авто Оуэна (хотя я в него даже не садилась) и серого асфальта в гараже, будь он не ладен! Талон пропал без следа.

Через неделю после исчезновения Оуэна мне приснился сон. Муж стоял на парковке в том же самом костюме и с той же пленительной улыбкой на губах. Он снял обручальное кольцо и сказал: «Ну вот, Ханна. Теперь ты потеряла и меня».

– Часть 1 –

Терпеть не могу ученых,
которые берут доску,
ищут самую тонкую часть
и сверлят дырки там,
где это проще всего.

— *Альберт Эйнштейн*

Если открываешь дверь незнакомцам...

По телевизору это показывают постоянно. В дверь стучат, открываешь и слышишь новость, которая меняет всю твою жизнь. Как правило, приходит полицейский или пожарный, иногда военный в форме. Но я вижу на пороге вовсе не копа и не федерального агента в брюках с наутюженными стрелками. Дурную весть мне приносит девочка лет двенадцати в футбольной форме.

— Миссис Майклз? — спрашивает она.

Я медлю с ответом, как всегда, когда меня пытаются назвать по фамилии мужа. Я свою не меняла, так и осталась Ханной Холл. За тридцать восемь лет я к ней привыкла и не видела нужды становиться другим человеком. Однако за год с небольшим брака с Оуэном я научилась не поправлять людей, ведь единственное, что они хотят знать, используя такое обращение, — жена я ему или нет.

В данном случае это все, что интересует двенадцатилетку у меня на пороге. Откуда я так точно знаю ее возраст? Большую часть жизни я делила людей на две категории: дети и взрослые, но за последние полтора года изменила свое отношение благодаря дочери моего мужа, Бейли, типичному трудному подростку шестнадцати лет. При первой встрече я

ляпнула, что она выглядит гораздо моложе своих лет. Хуже преступления не придумаешь!

Если, конечно, не считать моей попытки сгладить возникшую неловкость шуткой. Я сказала, что сочла бы это за комплимент, в моем-то возрасте! Увы, с тех пор Бейли меня не переваривает, хотя теперь я ученая и остерегаюсь не только шутить, но и приставать с разговорами к подросткам шестнадцати лет.

Итак, вернемся к моей двенадцатилетней подруге в грязных ботсах, которая нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Мистер Майклз велел вам кое-что передать.

Она протягивает мне желтый листок бумаги в линейчку. На лицевой стороне почерком Оуэна написано: Ханне. Я беру сложенную записку, глядя девочке прямо в глаза.

— Прошу прощения, — говорю я. — Видимо, я что-то упускаю. Ты подруга Бейли?

— Кто такая Бейли?

Утвердительного ответа я и не ждала: между двенадцатью и шестнадцатью пролегает целая пропасть. Ничего не понимаю! Почему Оуэн не позвонил? Почему он прислал эту девочку? Первое, что приходит в голову, — с Бейли что-то случилось, а Оуэн не смог вырваться с работы. Однако Бейли сейчас дома, закрылась в своей комнате, врубив музыку на полную (сегодня это «Красавица: мюзикл о Кэрол Кинг») в знак того, что мне туда хода нет.

— Я не совсем понимаю... Где ты его видела?

— Он пробежал мимо меня по холлу, — отвечает девочка.

Сперва я думаю, что она имеет в виду наш холл — пространство у меня за спиной. Нет, не может быть!

Мы живем в так называемом плавучем доме — оборудованном под жилье судне с окнами в пол и потрясающим видом на залив, в Сосалито их сотни четыре — целая община. Тротуаром нам служит пристань, гостиной — холл.

— Ты видела мистера Майклза в школе?

— Ну да, где же еще? Мы с Клэр спешили на тренировку, и он попросил нас отнести записку. Я сказала, что смогу только после занятия, он согласился и дал ваш адрес. — Девочка достает второй клочок бумаги. — И двадцать баксов.

Деньги она не показывает — наверное, боится, что отберу.

— У него что-то с телефоном, и он не смог вам позвонить. Точно не знаю — мы говорили на бегу.

— Значит, у него телефон сломался?

— Откуда мне знать?

И тут звонит ее телефон — точнее, я подумала, что это телефон. Она снимает с пояса какую-то навороченную штуку, похожую на пейджер. Неужели они снова в ходу? Музыкальные шоу Кэрл Кинг, ультра-современные пейджеры... Неудивительно, что я так раздражаю Бейли: подростки живут в своем мире, о котором мне практически ничего не известно.

Девочка набирает что-то на девайсе, уже выкинув Оуэна и свою двадцатидолларовую миссию из головы. Мне не хочется ее отпускать, ведь я понятия не имею, что происходит. Наверное, это какая-то странная шутка. Может, Оуэну она кажется смешной. Лично мне не смешно, по крайней мере сейчас.

— Ну, пока! — говорит девочка и уходит.

Она направляется к пристани. Над заливом садится солнце, и ранние звезды освещают ее путь.